Валерий Отяковский, Дмитрий Цыганов

Виктор Шкловский и Борис Эйхенбаум в спорах о литературном быте[1]

Valerii Otiakovskii, Dmitry Tsyganov

Viktor Shklovsky and Boris Eikhenbaum in a Debate on Literary *Byt*

Валерий Отяковский
Журнал «Новое литературное обозрение», редактор; PhD
valeriiotiakovskii@gmail.com.

Дмитрий Цыганов
ИМЛИ РАН, Отдел рукописей, научный сотрудник; НИУ ВШЭ, научный сотрудник
tzyganoff.mitia@yandex.ru.

Ключевые слова: Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, литературный быт, социология литературы, РАПП, «На литературном посту», формальный метод

УДК: 821.161.1
DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_37

В настоящей статье предлагается подход к пересмотру поздней стадии существования формального метода и того кризиса, который был вызван поворотом советских гуманитариев к литературной социологии. Проблема «литературного быта», поставленная Борисом Эйхенбаумом в его прославленной статье, нашла глубокий отклик у Виктора Шкловского и в значительной степени повлияла на попытки последнего адаптироваться к изменению научной среды конца 1920-х. В основе исследования — попытка описать переход формалистов от теоретических штудий к созданию коллективной истории русской литературы. Статья с опорой на переписку формалистов реконструирует ряд важных контекстов, сопровождавших появление статьи Эйхенбаума, а затем и создание последовавших за ней историко-литературных книг Шкловского.

Valerii Otiakovskii
New Literary Observer, Editor; PhD
valeriiotiakovskii@gmail.com.

Dmitrii Tsyganov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Manuscript Department, Research Fellow; HSE University, Research Fellow
tzyganoff.mitia@yandex.ru.

Keywords: Viktor Shklovsky, Boris Eikhenbaum, literary byt, sociology of literature, RAPP, «Na literaturnom postu», Formal Method

UDC: 821.161.1
DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_37

This article proposes an approach to reassessing the final stage of the Formal Method and the crisis precipitated by the turn of Soviet scholars in the humanities towards sociology of literature. The problem of literary *byt*, formulated by Boris Eikhenbaum in his celebrated article, resonated deeply with Viktor Shklovsky and significantly influenced his attempts to adapt to the changing intellectual environment of the late 1920s. The study examines the Formalists' transition from theoretical inquiry to the project of constructing a collective history of Russian literature. Drawing on correspondence among the Formalists, the article reconstructs a number of important contexts surrounding Eikhenbaum's article and, subsequently, Shklovsky's books on literary history.

Любой исторический слом влечет за собой утопический импульс, в одночасье проникающий в общество и меняющий его структуру. Смена парадигмы открывает множество сценариев будущего, и даже самые смелые из них на крат-

1 Настоящая статья в расширенном виде под названием «"Один из видов сопротивления": Быт Виктора Шкловского» послужила предисловием к четвертому тому собрания сочинений Виктора Шкловского, выходящего в «Новом литературном обозрении».

кое время могут казаться очень близкими, почти материально ощутимыми. Октябрьский переворот был в своей основе движим именно этой энергией утопии; ведущие художники эпохи, взявшие на свои знамена слово «будущее», грезили, что за политическим переломом последует метафизический, — Бурлюк, Каменский и Маяковский в 1918 году подписали манифест, в котором требовали:

> Мы пролетарии искусства — зовем пролетариев фабрик и земель к третьей бескровной, но жестокой революции, революции духа.
>
> Требуем признать:
>
> I. Отделение искусства от государства.
>
> Уничтожение покровительства привилегий и контроля в области искусства. Долой дипломы, звания, официальные посты и чины.
>
> II. Передачу всех материальных средств искусства: театров, капелл, выставочных помещений и зданий академии и художественных школ — в руки самих мастеров искусства для равноправного пользования ими всего народа искусства.
>
> III. Всеобщее художественное образование ибо мы верим, что основы грядущего свободного искусства могут выйти только из недр демократической России, до сего времени лишь алкавшей хлеба искусства.
>
> IV. Немедленная, наряду с продовольственными, реквизиция всех под спудом лежащих эстетических запасов для справедливого и равномерного пользования всей России.
>
> Да здравствует третья Революция, Революция Духа![2]

Но такой силы импульс не мог долго существовать без постоянной подпитки, без, по выражению Троцкого, «перманентной» революции. А эта идея очень скоро была дискредитирована исторической динамикой, которую обрела жизнь в конце 1910-х — начале 1920-х. Контуры утопии, еще вчера предметно ощутимые, корректировались с позиции сегодняшнего дня, и очень скоро на смену иссякавшему импульсу стало приходить стремление к нормализации, которая предполагала неизбежность постепенно затвердевавших правил и необходимость обустройства новых форм жизни. Иными словами, нэп повлек за собою регламентацию быта — того самого быта, который в 1920-е стал «главным героем» стихов чувствительного к эпохе Маяковского[3]; того, о который в предсмертной записке и разбилась «любовная лодка» поэта: «Я с жизнью в расчете / и не к чему перечень / взаимных болей, / бед / и обид»[4].

---

2 Цит. по: Антология авангардистских приказов и декретов 1917–1924 годов. (Приказ как литературный жанр: от футуристов до ничевоков) / Сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 48. Впервые опубл.: Газета футуристов. 1918. № 1. 15 марта.

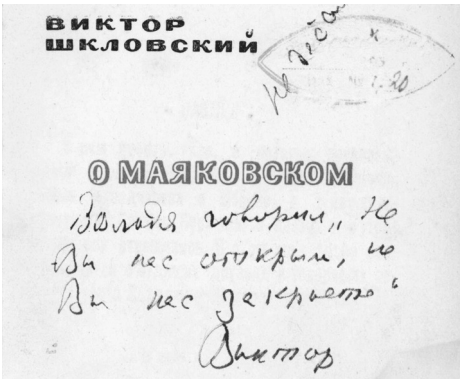
3 До сих пор лучшим анализом категории «быта» в поэтическом сознании Маяковского остается классическая статья Романа Якобсона «О поколении, растратившем своих поэтов», напечатанная в берлинском сборнике «Смерть Владимира Маяковского» (Берлин: Петрополис, 1931).

4 *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 13. С. 138.

Виктор Шкловский неоднократно возвращался к этим последним строкам своего друга. Первый отклик на них находим в письме, которое он отправил Юрию Тынянову на следующий день после смерти поэта: «Стихи в письме. Странные, как ты видишь. Они еще тяжелее цыганских романсов Блока. Стихи из большой поэмы, обращенной к Лиле Брик. <…> Володя изолировался от своих. Он был искренне предан революции. Нес сердце в руках, как живую птицу. Защищал ее локтями. Его толкали. И он чрезвычайно устал»[5]. Здесь выразилось не столько нарочито отстраненное мнение о судьбе поэта в эпоху крушения революционных идеалов, сколько сложное отношение единомышленника и тягостная неопределенность: Маяковский выстрелом выбрал остаться с революцией, а Шкловский, выбирая жизнь, обрекал себя на поиски нового способа взаимодействия с режимом стабилизации. Год спустя Шкловский, конструировавший новую стратегию поведения, выпустил коллажный сборник статей «Поиски оптимизма» (М.: Федерация, 1931) — одну из самых ярких и болезненных его книг этого периода. Его четвертая часть представляет собою своеобразную попытку осмысления Маяковского не как биографической фигуры, а скорее как «лирического героя»; в этом разделе Шкловский вновь заострял внимание на предсмертных стихах:

> Последнее его стихотворение посвящено любви, отчаянию и Млечному пути, названному звездною Окою, и к этой космической поэзии, поэзии облака, идет иронический припев: «…инцидент исперчен, любовная лодка разбилась о быт».
> В последнее письмо попал только припев.
> Все ясно[6].

Еще позднее, в книге о Маяковском 1940 года, Шкловский перед тем, как процитировать те же строки, писал о последней встрече с поэтом: «Пошел Владимир, задержался на минутку. Заговорил. Начал хвалить бытовые коммуны, которым раньше не верил. Убедили, значит»[7].


ВИКТОР
ШКЛОВСКИЙ

О МАЯКОВСКОМ

Володя говорил, „Не
Вы нас открыли, но
Вы нас закроете"
Виктор

Илл. 1. Экземпляр книги «О Маяковском» (М.: Советский писатель, 1940) с надписью В.Б. Шкловского: «Володя говорил: “Не Вы нас открыли, но Вы нас закроете. Виктор” (Архив литературной жизни XX века Дома творчества Переделкино)

5 Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов. Переписка, 1921–1959 / Под общ. ред. Д.М. Цыганова; отв. ред. В.С. Отяковский, В.В. Турчаненко; сост., вступ. статья и коммент. В.С. Отяковского, В.В. Турчаненко и Д.М. Цыганова. М.: Новое литературное обозрение, 2026. С. 211.

6 *Шкловский В.Б.* Поиски оптимизма. М.: Федерация, 1931. С. 106.

7 *Шкловский В.Б.* О Маяковском. М.: Советский писатель, 1940. С. 218.

Прекрасно знавший космическую высоту полета «поэзии облака», Шкловский не мог не видеть, как примитивизировал свои интересы поэт, как он заставил себя, по его собственным словам, отдаться «бытовым коммунам». Несмотря на абсолютно официальный статус книги, вышедшей в издательстве «Советский писатель» к 10-летию со дня самоубийства «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», он не сдержался от скептического: «Убедили, значит». Тема «лодки быта» намеками дается Шкловским на протяжении всего рассказа о биографии Маяковского: «Узкая, похожая на тупоносую лодку комнатка, камин. Это та лодочка, в которой плыл Маяковский»; «Холодно, трудно, трудно было нашей стране. Поэт плывет в маленькой лодке, в которой тринадцать метров»[8]. Есть в книге и прямой анализ мотива «лодки дней» в поэзии Маяковского — все прямо ведет к итоговой точке растянувшейся во времени катастрофы. Самое прямое высказывание Шкловского о последнем тексте находим в записи его разговора с В.Д. Дувакиным, собиравшим устные мемуарные свидетельства о поэте уже в 1960-е годы: «…оно (предсмертное письмо. — *В.О., Д.Ц.*) написано так, чтобы отвести политические подозрения: “Любовная лодка разбилась о быт… перечень…” Он дает след, любовный след, понимаете»[9].

Все это неспроста: Шкловский раз за разом возвращался к этим строкам не только потому, что они — прощальные, но и потому, что Маяковский использовал важное для формалистов слово «быт», в конце 1920-х оказавшееся одним из центральных понятий «новой» теории литературы. Восхождение «быта» в высоком научном дискурсе началось еще в середине десятилетия, когда реставрация буржуазного образа жизни почти окончательно дискредитировала идею коммунального общежития, а сталинская колхозная панацея еще не была предложена. «Кровь революции превратилась в быт»[10] — так в начале 1920-х писал сам Шкловский. Повседневность и быт стали центральными эпистемами пореволюционной эпохи, но в то же время оказались как бы за скобками вырабатывающихся советских идеологем, отчего привлекли к себе внимание теоретиков, занятых поиском интеллектуального пространства, еще не оккупированного «пролетарской» культурной политикой.

С идеей «литературного быта» выступил близкий друг и коллега Шкловского Б.М. Эйхенбаум в статье «Литература и литературный быт», опубликованной в рапповском журнале «На литературном посту» (1927. № 9; рубрика «Трибуна»). В специальной литературе этот «компромисс» называют приметой кризиса: исследователи пишут, что предложенный теоретический ход не был принят ни учениками Эйхенбаума, ни даже ближайшими коллегами. Шкловский, например, делился с Якобсоном в 1929 году: «Борис Михайлович в последних работах разложился до эклектики. Его лит<ературный> быт — вульгарнейший марксизм»[11]. Однако последовательное восстановление того

8 Там же. С. 153, 161.

9 Цит. по: *Шкловский В.Б.* Собрание сочинений. Т. 2: Биография / Под ред. И.А. Калинина. С. 829.

10 *Шкловский В.Б.* Сентиментальное путешествие. М.; Берлин: Геликон, 1923. С. 339.

11 Цит. по: Роман Якобсон: Тексты. Документы. Исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 127–128. Этот сюжет рассмотрен в одной из основных работ по истории понятия «литературный быт», посвященной важным контекстам функционирования этого термина, — см.: *Зенкин С.Н.* Открытие «быта» русскими формалистами // Зенкин С.Н. Работы о теории. М.: Новое литературное обозрение,

контекста, в котором появилась упомянутая статья Эйхенбаума, позволяет иначе расставить акценты в вопросе об отношении к ней лидера формалистов.

В своем манифесте, главные положения которого основывались на сформулированном Шкловским теоретическом фундаменте, Эйхенбаум попытался создать теоретическую рамку, которая позволила бы вернуться к историзму как к одному из базовых принципов науки о литературе: «История литературы должна быть заново оправдана как научная дисциплина, необходимая для уяснения современных литературных проблем»[12]. После упорной работы по культивированию имманентного текстового анализа и вытеснению «внелитературных рядов» из размышлений о словесном искусстве, которую вели формалисты в предыдущее десятилетие, этот методологический поворот казался отступлением на некогда оставленные позиции. Эйхенбаум хотел создать такую модель историко-литературной рефлексии, которая сможет включить в текстуальный анализ «смежные ряды», но в то же время будет иметь своей отправной точкой понимание специфичности процесса по-тыняновски понятой «литературной эволюции», то есть хотел наделить ранний формализм тем объемом, от которого в период «бури и натиска» опоязовцы намеренно отказывались. Именно эта метаформалистичность отличает концепцию Эйхенбаума как от традиционной академической всеядности, воспринимавшей любую незначимую деталь прошлого в качестве достойного изучения факта, так и от вульгаризировавшегося схематического социологизма, который стремительно захватывал позиции идеологического лидерства в сфере культурной теории. Эйхенбаум указывал, что такой поворот продиктован именно сдвигом в организации литературного сообщества, революционной метаморфозой способа взаимосвязи писателя с читателем. В едва ли не самом известном фрагменте своей статьи он прокламирует: «Вопрос о том, “как писать”, сменился или, по крайней мере, осложнился другим — “как быть писателем”. Иначе говоря, проблема литературы, как таковой, заслонилась проблемой писателя. <…> Можно сказать решительно, что кризис сейчас переживает не литература сама по себе, а ее социальное бытование»[13].

Эта статья не только конструировала теоретическую рамку литературного быта, но и перформативно демонстрировала ее овеществление самим способом публикации. Впервые текст появился в журнале «На литературном посту» под названием «Литература и литературный быт», и для погруженного в контекст теоретических споров современника этот шаг представлял собою вызов: одно лишь сочетание имени Эйхенбаума с названием одного из самых оголте-

---

2012. С. 305–324. Эта статья во многом развивает тезисы работы: *Hansen-Löve A.A.* «Бытология» между фактами и функциями // Revue des Études Slaves. 1985. Vol. 57. № 1. С. 91–103. См. также содержательную заметку об истории появления и бытования эйхенбаумовской идеи: *Пильщиков И.А., Устинов А.Б.* Поверхностное напряжение: История культуры и концепция «литературного быта» Б.М. Эйхенбаума // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 9–22.

12 *Эйхенбаум Б.М.* Литература и литературный быт // На литературном посту. 1927. № 9. С. 49. Ранний этап разработки замысла «Литературного быта» описан в комментарии А.П. Чудакова к этой статье в издании: *Эйхенбаум Б.М.* О литературе. М.: Советский писатель, 1987. С. 521–524. Чудаков показывает, как еще в 1924 году ученый по совету Шкловского задумывает труд об истории «литературного труда» и как затем в итоге размышлений о Есенине и Шкловском Эйхенбаум выработал концептуальный каркас исследования.

13 *Эйхенбаум Б.М.* Литература и литературный быт. С. 48.

лых органов пропаганды пролетарской литературы уже производило подлинно остраняющий эффект. Новые документы позволяют понять, как же была «сделана» эта публикация.

Прежде всего, стоит иметь в виду, что разработка проблемы литературного быта имела институциональные корни. В документах Института истории искусств, где в середине 1920-х работали Эйхенбаум и Тынянов, мы находим следы будущей теории, берущей истоки в творческой лаборатории ученого: сначала в 1927 году Эйхенбаум в подведомственной ему Секции художественной словесности начал разрабатывать «проблемы литературной среды и быта»[14] (в отчете этот пункт дан с пометой: «последняя тема, организуемая Б.М. Эйхенбаумом, является новой»), затем в план работ Комитета современной литературы была включена «разработка проблем литературного творчества и техники, в связи с изучением литературного быта и условиями литературного труда и современности», причем этот проект вели Тынянов и Б.В. Казанский, а затем термин попал и в название тщательно готовившегося силами формалистской молодежи «Сборника “Современной литературы” (о современном литературном быте)». Судя по всему, в 1927 году вопрос о конвергенции искусства и быта стал важен для всех отделов Института. Свидетельствует об этом и линейка институтского издательства *Academia* — за этот год в нем вышел ряд книг, дисциплинарное деление которых соответствовало разным секторам Института. Во-первых, были запущены издательские серии «Памятники литературного быта» и «Театральные мемуары. Судьбы театра и театральный быт в освещении деятелей сцены», которые просуществовали несколько лет и сделали доступным для читателей научно подготовленный корпус документальной литературы XVIII–XIX веков. Во-вторых, увидели свет сборник «Музыка и музыкальный быт старой России» (книга отмечена как первый том, но продолжения не последовало[15]) и исследование Александры Мюллер «Быт иностранных художников в России». Все эти издания по-разному резонировали с трансформацией быта в 1920-х, но, кажется, только Эйхенбауму удалось развить отдельные наблюдения в цельное научное высказывание.

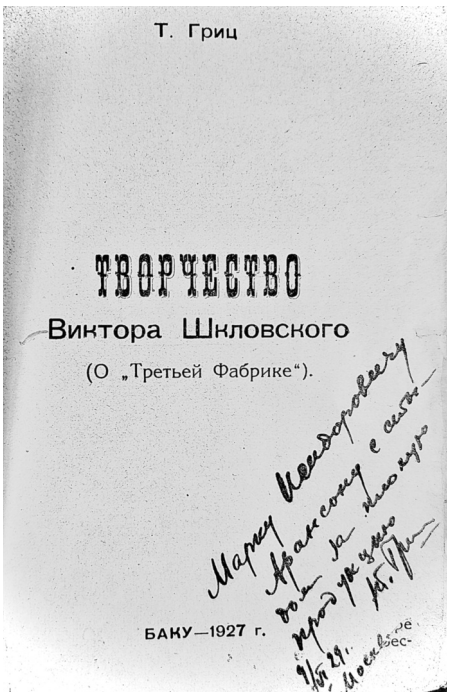
Сохранились короткие записки, которыми Шкловский обменялся с Эйхенбаумом на литературном вечере Михаила Зощенко 7 марта 1927 года. Шкловский: «А я знаю, что сейчас пишут марксисты»; Эйхенбаум: «Догадываешься или знаешь? Что именно»; Шкловский: «Рецензию-донос. Двойной гонорар. Я был в “К<расной> Г<азете>”. Пиши в “Л<итературном> посту” = литер<атура> в ссоре с этой журнали<стикой>»[16]. Несмотря на рекомендацию обратиться

14 Здесь и далее институтские документы цитируются по: *Отяковский В.С.* Микроистория сообщества формалистов: Кабинет современной литературы при ГИИИ (1927–1930). Тарту: University of Tartu Press, 2024. С. 28. Там же см. контекст этих упоминаний.

15 Этот сборник открывается фразой, которая косвенно указывает, что издание такого сборника именно в 1927 году органично подталкивало авторов к включению «быта» в его название: «Настоящий сборник музыкально-исторических исследований, проведенных сотрудниками О<тдела>Т<еории и> И<стории> М<узыки> под руководством профессора Б.В. Асафьева, должен был появиться в печати еще в 1923 г. под несколько иным названием “Прошлое русской музыки”» (Музыка и музыкальный быт старой России. Л.: Academia, 1927. Т. 1. С. 5).

16 Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов. Переписка. С. 53.

в «На литературном посту», Шкловский, очевидно, рассчитывал, что новая концептуальная статья Эйхенбаума появится в близком по духу авангардном издании, борющемся за «литературу факта». Шкловский писал Эйхенбауму 19 марта: «Не дашь ли ты Лефу на обычных условиях куска литературного быта». Изначально Эйхенбаум поддержал эту идею, и в ответном письме от 22 марта сообщил: «Пишу статью, программную, но не тороплю — дело серьезное. Собираюсь дать ее в “Звезду” (она будет, вероятно, большая), но, может быть, и для “Лефа” состряпаю»[17]. В «Звезде» (1927. № 5) появилась статья «Литература и писатель», развивавшая идеи «Литературы и литературного быта», но вместо эстетически и идеологически близкого «Нового ЛЕФа» Эйхенбаум предпочел публикацию в пролетарском журнале. Судя по предпринятым шагам, он осознанно стремился представить новую работу именно в печатном органе Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), который придерживался радикально иных идеологических и методологических позиций. Он записал в дневнике 6 апреля: «31-го <марта> я послал эту статью в журнал “На литературном посту” (от них была телеграмма) — не знаю, как они это переживут и как напечатают», а неделей позже сообщил Шкловскому: «Отправил в “Литер<атурный> Пост” статью “Литература и лит<ературный> быт” (не слышал ли чего о ней?)»[18].


Т. Гриц

ТВОРЧЕСТВО

Виктора Шкловского

(О „Третьей Фабрике“).

Марку Исидоровичу Аронсону с стыдом за плохую продукцию. Т. Гриц. 9/VI-29 г. Москва

БАКУ—1927 г.

Редакция пролетарского журнала, опасавшаяся контрабанды чуждого метода на своих страницах, решила вступить в полемику со статьей Эйхенбаума и подготовить редакционный ответ (он должен был появиться в следующем номере), что нейтрализовало бы для автора эффект от этой «вылазки» на чужую территорию и лишний раз подчеркнуло чуждость Эйхенбаума налитпостовскому контексту. Вместо триумфа формализма, проникшего даже на страницы пролетарского журнала, получалось классическое для официозной печати снисходительное похлопывание по плечу «попутчика», обезвреженного окриком догматической передовицы. И без того неблагоприятная ситуация усугубилась тем, что в ближайшем выпуске журнала появилась статья О.М. Бескина «Кустарная мастерская литера-

Илл. 2. Экземпляр книги «Творчество Виктора Шкловского: О “Третьей Фабрике”» (Баку: [Б. и.], 1927) с дарительной надписью к М.И. Аронсону: «Марку Исидоровичу Аронсону с стыдом за плохую продукцию. Т. Гриц. 9/VI-29 г. Москва» (Частное собрание)

17 Там же. С. 53, 55.

18 РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 247. Л. 9.

турной реакции (“Третья фабрика” В. Шкловского)», в которой мемуары последнего оценивались как «издевательство рафинированного литературного барина»[19]. Эта статья была идеологически и риторически «верным» ответом на кардинально иную по тону брошюру «Творчество Виктора Шкловского: О “Третьей Фабрике”» (Баку: [Б. и.], 1927), написанную в октябре 1926 года учеником формалистов Т.С. Грицем.

После появления текста Бескина стало ясно, что публикация Эйхенбаума в журнале, где только что обрушились на «главного» опоязовца, могла быть использована для раскола тесного содружества формалистов и для нарушения той целостности их выступлений, которую они неоднократно прокламировали в печатных выступлениях не только посредством ссылок на работы друг друга, но и через сложно устроенную систему взаимных посвящений в книгах и статьях. Эйхенбаум, оценивая вероятные риски, сомневался в правильности предпринятого шага и писал Шкловскому 8 мая:

> Читал статью мелкого Бескина о тебе. Написал в «Пост» письмо о том, что не желаю, чтобы они печатали мою статью со своими ответами (о таком их плане сказал Рахтанов), и прошу, если у них есть такое намерение, вернуть статью. Они пока молчат. Не знаешь ли ты чего-нибудь об этом? После статьи о тебе печатать там, кажется, не следовало бы[20].

Эйхенбаума пугала мысль о том, что его статья будет воспринята читателями журнала как покаянная и, следовательно, продолжавшая намеченную Бескиным критику литературного проекта формалистов. Не успев отправить письмо, на следующий день он дописал:

> Получил из «Поста» ответ. Пишут, что не собираются устраивать критический погром по моему адресу и поместят деловую ответную статью, корректуру которой предлагают прислать. Я написал, что ответом редакции удовлетворен, но прибавил несколько слов по поводу статьи Бескина о тебе. Меня все-таки очень тяготит это обстоятельство, как ты на него реагируешь? Напечататься мне сейчас в «Посту», конечно, очень важно, но статья о тебе опять спутала карты. Что это за выходка и что за ней стоит?
>
> Юра тоже отдал свою статью о литературной эволюции в «Пост» — она пойдет, вероятно, без возражений: в ней трудно редакции понять что-либо, напечатают из уважения. Он тоже смущен статьей Бескина — напиши нам, тебе виднее[21].

Из этого письма видно, что Эйхенбаум планировал публикацией в пролетарском журнале не только продемонстрировать новый виток формалистской рефлексии, но и утвердить всеохватность опоязовской методологии, однако редакционные козни дезавуировали этот ход, угрожая публичному единству формалистов. Тем не менее к «Литературе и литературному быту» присоединился еще один манифест позднего формализма — статья Тынянова «Вопрос о литературной эволюции» (опубл.: На литературном посту. 1927. № 10; также в рубрике «Трибуна»), о чем автор писал Шкловскому:

---

19 *Бескин О.М.* Кустарная мастерская литературной реакции («Третья фабрика» В. Шкловского) // На литературном посту. 1927. № 7. С. 18.

20 Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов. Переписка. С. 61.

21 Там же. С. 62.

Ко мне месяца 1 ½ назад обратился «Пост», нет ли статьи — я и Боря послали. У меня теоретическая, читал ее в Институте.

«Пост» был как пост, и все-таки лучше <Красной> Нови и <Красной> Нивы. Значит, можно было печататься.

Теперь, говорят, мелкий бес тебя там облаял. Между тем статью мою там приняли.

Я беса еще не читал, но не сомневаюсь, что гнусь. Не знаю обстоятельств, кто тут в центре — бес или Пост, «личность» или неприличность. Если 2-ое, придется написать, что не могу у них печататься[22].

В итоге публикация формалистов в двух соседних номерах рапповского журнала все-таки состоялась[23], причем редакция ограничилась нейтральным примечанием, лишь слегка отгородившись от опоязовской фронды: «Считая настоятельно необходимой серьезную проработку вопроса о так называемой формальной школе в литературоведении и переживаемой этой школой эволюции, ре<д>акция дает место статьям Б.М. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Редакционная статья будет помещена в № 10 журнала вместе со статьей Тынянова»[24]; анонсированного возражения так и не последовало. Тем не менее двусмысленность ситуации все-таки сохранялась: выступление, последовавшее за статьей Бескина, было проведено «дуэтом», а не «ревтройкой». Возможно, это зияние вкупе с недружелюбным контекстом и подвигло автора «Литературы и литературного быта» перепечатать текст в ином обрамлении.

В 1929 году статья вошла в сборник работ Эйхенбаума «Мой временник» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929), открывая в ней раздел «Наука», служивший теоретическим стержнем книги. Этот сборник был стилизован под старинный любительский журнал, где автор-редактор заполнял своими текстами все разделы: «Словесность», «Наука», «Критика» и «Смесь». Издание такого типа предполагало, что в нем возможна публичная полемика, но редактор при этом сам определяет ее правила; он как бы удаляется от журнального шума в уединенное место и там создает литературу заново. «Он знал не только искусство писать, но и искусство *быть писателем*. Упорно отстаивая свою архаистическую позицию, он, со стороны и издалека, но тем более зорко, как бы в бинокль, вглядывался в детали малейших движений эпохи <...>. Сила его позиции заключалась в том, что, противопоставляя себя эпохе, он не отворачивался от нее»[25] — эти слова в «Моем временнике» Эйхенбаум посвятил Толстому, главному герою собственных многолетних штудий. Конечно, выпуск стилизованной книги в Издательстве ленинградских писателей несопоставим с толстовским бегством от мира в Ясную Поляну, но типологически эти предприятия сближались благодаря использованию условий быта в качестве полемического аргумента — и эффективность этого аргумента проявлялась в том, что явление «ближайшего ряда» становилось литературным фактом.

---

22 Там же. С. 64.

23 Эти тексты, которым было суждено наметить два противоположных вектора позднего формализма, были также прочитаны друг за другом в виде докладов на юбилейном заседании Института истории искусств 29 марта 1927 года.

24 На литературном посту. 1927. № 9. С. 47.

25 *Эйхенбаум Б.М.* Литературная карьера Толстого // Эйхенбаум Б.М. Мой временник. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929. С. 109–110.

В «Моем временнике» Эйхенбаум воздает должное и Шкловскому — содержательную часть сборника завершала главка «О Викторе Шкловском»[26], в которой к нему прямо применялась формула «литературного быта». Именно чувствительность к обстоятельствам окололитературной жизни оказывалась, по Эйхенбауму, главным его свойством: «Шкловский — не только писатель, но и особая фигура писателя. В этом смысле его положение и роль исключительны»[27]. Иначе говоря, теоретические построения Эйхенбаума, связанные с идеей литературного быта, так или иначе отстраивались от литературных и поведенческих экспериментов Шкловского, поскольку он служил образцом автора нового типа, который метко проблематизирует «социальное бытование» литературы. «Очень мне интересно, как ты оценишь мою статью, когда я ее кончу»[28], — писал Эйхенбаум Шкловскому 22 марта 1927 года, в самый разгар работы над «Литературным бытом».

За три года до появления эйхенбаумовской статьи слово «быт» впервые возникло в переписке формалистов, и раньше всех его использует именно Шкловский. В письме от 22 октября 1924 года он предлагает коллегам сделать книгу в форме теоретической переписки ОПОЯЗа «по текущим вопросам». В представлении Шкловского эта книга не должна была быть абстрактным обсуждением оторванных от актуальной культурной работы проблем, а вобрала бы в себя факты изменчивой повседневности: «И всадим <в книгу> академический быт, и быт вообще, наших жен и проч. проч.»[29]. В годы свертывания нэпа Шкловский ощутил необходимость стилистического «обытовления» теории, и этот шаг был вполне закономерным: «высокая» литературная наука все больше отрывалась от конкретного материала, становясь для многих «птичьим языком», а литературная критика сближалась с политической публицистикой в передовицах партийных газет. Это размежевание открывало для Шкловского «срединный путь», на котором не приходилось толкаться плечами с бывшими «академиками» и занятыми очередной бюрократической расправой рапповцами. Намечался тот самый «промежуток», о котором в 1924 году писал Тынянов.

В следующий раз в переписке слово «быт» использовал уже Эйхенбаум в привычном нам контексте. Делясь своими рабочими планами, он сообщал Шкловскому 10 июля 1926 года: «Думаю работать над Смирдиным (из истории русского литературного быта)»[30]. Эта фраза влечет за собою важный сюжет, связанный с состоянием формалистского сообщества во второй половине 1920-х и с местом Шкловского в этом сообществе. Книга о лавке Смирдина вышла через несколько лет под названием «Словесность и коммерция», однако написал ее не Эйхенбаум, а сразу трое молодых авторов — Т.С. Гриц, В.В. Тренин и М.М. Никитин[31]. Прямая связь с формалистским проектом в этой моногра-

26 За ней следовали только отрывочные «Заметки и размышления»; стоит заметить, что и в них одним из героев являлся Шкловский.

27 *Эйхенбаум Б.М.* О Викторе Шкловском // Эйхенбаум Б.М. Мой временник. С. 131.

28 Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов. Переписка. С. 55.

29 Там же. С. 36.

30 Там же. С. 45.

31 19 июня 1928 года Эйхенбаум записал в дневнике: «Никитин привез мне рукопись книги “Лавка Смирдина”. Интересно, но поверхностно, бегло, иногда случайно, чисто наивно. Ангерт просил дать им список того, что может дать по лит<ературному> быту мой семинарий. Надо использовать» (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 48 об.).

фии манифестируется сразу на нескольких уровнях: она вышла под редакцией Эйхенбаума и Шкловского, последний написал к ней короткое предисловие, а перед титульным листом книги помещено лаконичное посвящение ОПОЯЗу: этим не только декларировалась преданность учеников, но и стилистически обыгрывался распространенный прием «мэтров», регулярно посвящавших друг другу статьи и книги. Появление этой книги, развивавшей оброненную одним из учителей идею, на деле оказалось совершенно закономерным фактом истории науки и встраивалось в намеченный и отчасти воплощенный к тому моменту план формалистов по созданию новой, принципиально отличающейся от предыдущих, масштабной истории литературы.

Тот историзм, который в своей статье «воскрешал» Эйхенбаум, должен был стать эпистемологической платформой последнего коллективного проекта пост-ОПОЯЗа. В переписке формалистов конца 1920-х постоянно упоминается подготовка работы по истории литературы, причем выражается их текущая деятельность исключительно фигурами волеизъявления, а не какими-то конкретными предложениями по организации планомерного написания книг и статей: «*История Русской Литературы* ждет нас» (31 марта 1928 года); «Я думаю об *истории русской литературы*» (12 ноября 1928 года); «Очень думаю об истории литературы» (15 ноября 1928 года); «Что думаешь ты об истории русской литературы» (25 апреля 1929 года); «Нужно писать Ист<орию> Русской литературы» (26 апреля 1929 года) — и еще целый ряд подобных упоминаний. Некоторые методологические установки выдвигает Тынянов: «Необходимо осознать биографию, чтобы она впряглась в историю литературы, а не бежала, как жеребенок, рядом» (5 марта 1929 года) — и он же наводит справки с целью узнать возможное отношение издателя к проекту, но главным движителем будущей истории литературы оказывается именно Шкловский[32].

Последнее может показаться парадоксальным, поскольку научный темперамент лидера формалистов как будто не подразумевал кропотливой, усидчивой коллективной работы; не обладал он и имеющимися у ленинградцев институциональными ресурсами; у него не было ни своего семинара, который посещали бы молодые талантливые ученые, готовые собирать и обрабатывать материал, ни специального библиографического кабинета, снабжавшего разнообразными справками сотрудников Института истории искусств[33]. Но именно Шкловский взялся за будущую историю литературы с настоящим пы-

---

Речь идет о Д.Н. Ангерте, редакторе «Госиздата»; вероятно, в этом обсуждении шла речь о книжной серии «Труды семинария Б.М. Эйхенбаума по изучению литературного быта» издательства «Прибой» (входившего в систему «Госиздата»); серия ограничилась одним выпуском — книгой младоформалистов М.И. Аронсона и С.А. Рейсера «Литературные кружки и салоны» (Л.: Прибой, 1929).

32 См.: *Цыганов Д.М.* «История литературы — подозрительная наука!»: Виктор Шкловский, post-ОПОЯЗ и формалистский проект истории русской литературы в конце 1920-х — начале 1930-х годов // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2027 (*в печати*).

33 Хотя помощниками Шкловского выступали искренне заинтересованные в его творческой работе люди, тяготевшие скорее не к научной, а к литературной области занятий. В этом отношении примечательна многосторонняя переписка между Шкловским, Грицем, Казанским, Пуниным, Трениным, Харджиевым и Эйхенбаумом, возникшая в годы, когда проект Шкловского набирал обороты, — см.: Помощники В.Б. Шкловского / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Крусанова // Архив Н.И. Харджиева. Т. 3. М.: ДЕФИ, 2019. С. 22–219.

лом, попутно декларируя в письме Эйхенбауму от 16 января 1928 года: «Я молод потому, что в четыре месяца ворвался в историю литературы и в год буду знать ее матерьял»[34]. Ему же принадлежит и единственное прямое указание на порядок работы — 29 марта 1929 года он писал Эйхенбауму: «Для истории литературы нужно написать очень много монографий, и только потом можно будет сводить»[35]. Это указание чрезвычайно важно, поскольку даже в самом зачаточном виде будущий проект задумывался дискретным, монтажным, многосоставным; его единство должно было обеспечиваться не формально-стилистическим, а содержательным единством — единством замысла и единой же стратегией полижанрового воплощения.

В эти годы вся «ревтройка» погрузилась в историю для того, чтобы писать как научные, так и художественные книги: история литературы мыслилась как проект практический, не только меняющий отношение к этому материалу, но и вносящий изменение в его структуру. Тынянов после успеха «Кюхли» (Л.: Кубуч, 1925) собирал орнаментальное полотно «Смерти Вазир-Мухтара»[36] (Л.: Прибой, 1928), Эйхенбаум готовился приступить к роману о «чудаке» XVIII века «Маршрут в бессмертие» (М.: Советская литература, 1933), а Шкловский напечатал «Краткую, но достоверную повесть о дворянине Болотове» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930) и «Житие архиерейского служки» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931). Исторические произведения сопровождали научные работы, в них на разнообразном документальном материале воплощались теории и интуиции, которым не было места в лапидарных статьях. Вероятно, «История литературы» и не должна была обрести законченную форму в виде одной книги, а представляла бы собою своеобразный конгломерат текстов, ряд отдельных работ, связанных концептуальным единством, системой внутренних перекличек и распределением материала внутри группы авторов-единомышленников.

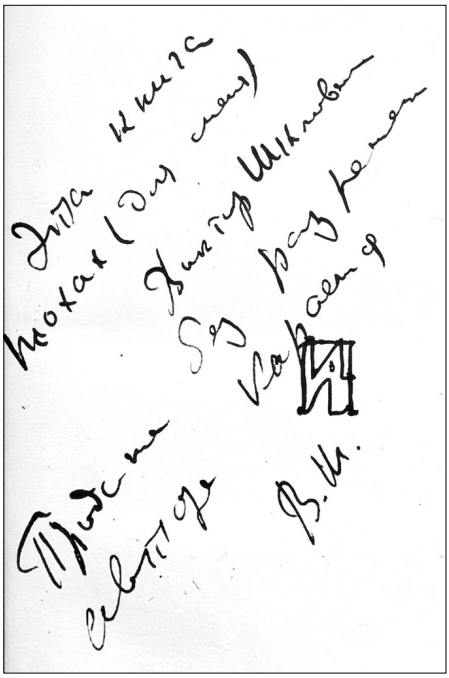
Если к написанию художественных текстов подключились и Тынянов с Эйхенбаумом, то работа над собственно научной частью задуманного проекта почти полностью легла на плечи Шкловского — именно ему принадлежит основной массив написанного в рамках этого проекта. С конца 1920-х он печатал одну за другой историко-литературные монографии, и каждая из них сложным образом присоединялась к предыдущей, развивая методологический аппарат позднеформалистского историзма, все теснее смыкавшегося с методологическими и практическими наработками литературной социологии. Он издал исследование «Матерьял и стиль в романе Льва Толстого “Война и мир”»

34 Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов. Переписка. С. 99.

35 Там же. С. 178.

36 Ср. точное замечание М.О. Чудаковой, которая считала, что одной из вероятных причин неприятия Тыняновым эйхенбаумовской идеи были романы, в которых он излагал свое видение «литературного быта», не вовлекая «ближайший ряд» в пространство теоретизирования: «Для Тынянова “литературный быт” вряд ли был новым и плодотворным понятием. Для него самого этот “быт” в смысле Эйхенбаума, на том этапе осмысления, который был достигнут опоязовцами ко второй половине 1920-х годов, был уже отведен вместе со всей сферой генезиса в биографическую беллетристику и тем самым выведен за пределы исследовательской работы» (*Чудакова М.О.* Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986. С. 123).

(М.: Федерация, 1928), затем книгу «Матвей Комаров, житель города Москвы» (Л.: Прибой, 1929), а чуть позднее — монографию «Чулков и Левшин» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933).



Илл. 3. Экземпляр книги «Житие архиерейского служки» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931) с дарительной надписью: «Эта книга плохая (для меня). Виктор Шкловский. Продажа без разрешения автора карается. В.Ш.» (Частное собрание)

Работа Шкловского не характеризовалась хронологической последовательностью избираемых сюжетов: «историческим» работам была присуща иная — концептуальная — целостность, ставившая под сомнение пролетарский постулат прогрессивизма, усвоенный «младоформалистами»[37]. В его планах по организации собственной работы диахроническая модель сталкивалась с трансформацией метода — после книги о Толстом последовала книга о писателе XVIII века Матвее Комарове, а за ней должно было появиться исследование творческой практики Александра Вельтмана и беллетристики XIX столетия; по этому поводу Шкловский переживал в письме Эйхенбауму: «Я не знаю, что делать дальше. Если писать о Вельтмане, то нарушится линия 18-го века и начнутся прыжки. <…> Если взять Вельтмана, то кто займется историей русского анекдота, кто займется описанием сказки 18-го века. А без этого нельзя написать истории русской литературы»[38]. В итоге Шкловский предпочел хотя бы условное хронологическое единство и начал работать над «Чулковым и Левшиным».

К концу 1920-х годов обстановка в двух столицах предельно усложнилась из-за того, что разногласия участников культурной жизни получали институциональное воплощение, а участки сферы литературного производства были компромиссно поделены между влиятельными организациями. Формалисты, как уже было сказано, не стремились примкнуть к наиболее сильному «игроку», напротив, они держались за свою окраинную позицию, позволявшую им с равным успехом взаимодействовать и с «пролетариями»,

37 Это представление позднее оформится в так называемую концепцию стадиального развития литературы Г.А. Гуковского — см.: *Гуковский Г.А.* О стадиальности истории литературы // Новое литературное обозрение. 2002. № 3 (55). С. 106–131; подробнее об этом см.: *Устинов Д.В.* Научные концепции Г.А. Гуковского в контексте русской истории и культуры XX века // Новое литературное обозрение. 1998. № 1 (29). С. 75; *Турчаненко В.В., Цыганов Д.М.* Пушкин наш, советский! Очерки по истории пушкиноведения сталинской эпохи (Идеи. Проекты. Персоны). М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 524–530.

38 Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов. Переписка. С. 178.

и с «попутчиками». В этом отношении примечательным оказывается вопрос о том, какими институциональными каналами пользовался Шкловский, чтобы обеспечить наибольшую устойчивость своему историко-литературному проекту. Опубликованные в конце 1920-х — начале 1930-х книги были напечатаны в издательстве ФОСП «Федерация», в «Прибое», где находили свое место сборники младоформалистов и издания университетских ученых, а также в «попутническом» Издательстве писателей в Ленинграде. Такое разнообразие должно было оградить начатый проект от упреков в субъективизме и «цеховости»: новая история литературы не была завязана на стремлении к межеванию культурного поля, а представляла вненаправленческий взгляд, учитывавший сложный интеллектуальный рельеф рубежа первых двух десятилетий XX века. Шкловский точно угадывал, какой изгиб приобретет вектор литературной политики в отношении к их сочинениям, о чем писал Эйхенбауму 24 февраля 1929 года: «Я очень страдаю. Тяжело знать все наперед, что будет написано о твоей (моей) книге. У меня подушка во рту. Твоего Льва в “На посту” будут хвалить, а моего Льва *очень* ругать. Б…и»[39].

Всего за восемь дней до этого было написано и отправлено часто цитируемое письмо к Якобсону (частично приведенное выше), в котором Шкловский характеризовал эйхенбаумовский «литературный быт» как «вульгарнейший марксизм». Обсуждаемые в настоящей статье материалы ставят под сомнение тезис о том, что историко-бытовой поворот ленинградского формалиста ослабил его методологическую и идеологическую связь с московским, — вероятно, отправляя письмо Якобсону, Шкловский был движим не столько принципиальными теоретическими расхождениями, сколько эмоциями — будь то ревность к успеху перформативной стратегии Эйхенбаума, который умело конвертировал свой новый методологический этап в приемлемую для налитпостовского контекста фронду, или желание укрепить вновь наметившуюся связь со своим вечным соперником Якобсоном, лингвистической парадигме которого вряд ли мог быть близок бытовой разворот, особенно неуместный в контексте разговоров о воскрешении ОПОЯЗа на протоструктуралистских началах, прокламированных в «Пражских тезисах» (опубл.: Новый ЛЕФ. 1928. № 12) Тынянова — Якобсона. Несмотря на отзыв о «вульгарнейшем марксизме», идейная платформа Шкловского в этот момент была весьма близка эйхенбаумовской, а его риторика встраивалась в социологические дебаты эпохи столь органично, что в ответ на письмо о страдании от «подушки во рту» Эйхенбаум сообщал Шкловскому: «Между прочим, я слышал, что Горбачев страшно хвалит твою книгу о Толстом, говорят, что это настоящая марксистская работа и что он готов солидаризироваться с тобой для борьбы с Переверзевым»[40]. Г.Е. Горбачев — один из ярких литературоведов-троцкистов, в этот период еще боровшихся за гегемонию в культурном пространстве; факт его готовности к сближению с, казалось бы, эпистемологическим противником в пику «классово близкому» социологу В.Ф. Переверзеву чрезвычайно показателен: в ярлык «вульгарнейшего марксизма» Шкловский

39 Там же. С. 159. На протяжении всей второй половины 1920-х Эйхенбаум работал над книгами о Толстом — «Лев Толстой. Кн. 1: Пятидесятые годы» (Л.: Прибой, 1928) и «Лев Толстой. Кн. 2: Шестидесятые годы» (Л.; М.: ГИХЛ, 1931); Шкловский здесь имеет в виду первую из них.

40 Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов. Переписка. С. 162.

мог вкладывать не только оскорбительную интенцию, но и скрытое восхищение[41]. В конце того же 1929 года он публикует заметку «Факт быта и факт литературы», в которой уже прямо пишет: «Быт сейчас — это тактика, а строительство — стратегия»[42].

Очевидно, Шкловский обладал амбициями высокого толка: не написание академической истории литературы было его подлинной целью, но «изобретение традиции», создание «предыстории» советского культурного проекта. Радикализм в отношении к «старой» академической элите сочетался у Шкловского с благоговейным трепетом перед всем новым, что еще лишь показалось из-за поворота Истории. Пренебрежение «готовым» знанием и тяга к конструированию культуры были своеобразным выражением правомерного пафоса теоретика-революционера, признававшего тем не менее примат культурного эволюционизма. Осознание, что «новая» культура жадно ищет свои истоки, приводило Шкловского в научный восторг: именно он мог оказаться человеком, которому удастся перепридумать российскую (и не только!) культурную историю, чем он и продолжит заниматься в 1930-х.

Вполне осознанный шаг Шкловского по обытовлению историко-литературных опытов не был компромиссным: вместе с сознательным приобщением собственных работ к общему ходу культурной дискуссии он существенно наращивал и экспансивный потенциал собственного «метода» — разговор о «стиле» Льва Толстого непременно связывается и с анализом «матерьяла» его романа. Отметим, что эта принципиальная позиция в те годы была общей для формалистов. Так, Эйхенбаум писал Шкловскому 3 мая 1928 года:

> Как мне *быть* с *бытом* (у нас ходит шутка: «Быт или не быт? вот в чем вопрос»), я еще не придумал. Меня несколько огорчило не то, конечно, что вы завели у себя эту работу, а то, что ты как-то «коварно» говоришь о ней со мной — точно подсмеиваясь. А я хочу только наладить это дело так, чтобы не было лишних повторений и труда. По-видимому — мне надо будет написать книгу принципиальную, теоретическую, чтобы прекратить разговоры о том, что мы от «формального метода» перешли к «социологическому»[43].

Книги и статьи Шкловского все больше обретали определенную степень идеологической нюансировки, а сам он очень быстро считал наметившийся поворот и отреагировал на него усилением социологической перспективы собственных текстов. Шкловский стал прибегать к усложненным практикам монтажа и сшибки текстовых фрагментов в рамках некоторого идейного целого; он стремится создать сложноустроенное разножанровое единство, в сердцевине которого — проблема движения литературы, «эволюции литературной техники». В этом отношении вопрос нюансировки текстов обретал не столько характерологическое (как описание «улучшения» или «ухудшения» способа производ-

---

41 В этом отношении см. статью с внимательным сопоставлением работ Шкловского и Эйхенбаума о Толстом на базе культурно-ориентированного марксизма с рядом интересных интроспективных историко-теоретических проекций: *Митрошенков К.* Побег из тюрьмы языка: Фредрик Джеймисон, поздний формализм и историзация материала // Новое литературное обозрение (*в печати*).

42 *Шкловский В.Б.* Факт быта и факт литературный // Вечерняя Москва. 1929. № 288 (1800). 14 декабря.

43 Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов. Переписка. С. 113.

ства знания), сколько идеологическое измерение: каждый из написанных текстов должен был воплощать в себе двуединую функцию — существовать как самостоятельный отдельный текст, вписываться в актуальную полемику и, напротив, прихотливо прирастать к уже написанному корпусу. По-видимому, в этом Шкловский видел путь ухода от науки «старого типа», о чем писал Эйхенбауму 8 ноября 1928 года, призывая к наращиванию коллективных усилий:

> Пишу работу о Матвее Комарове, писать начинаю сегодня, позавчера кончил работу о Болотове. Нужно, кроме того, писать сценарий «Смерть Вазир-Мухтара», и вообще завален.
>
> Больше всего нам нужно работать вместе, я чувствую каждый день преимущество коллективного хозяйства над однолошадным середняцким. <…> Завален мыслями о деньгах. Литературный быт нужно рассматривать как один из видов сопротивления, тогда, вероятно, получится, а что получится, мне неизвестно. Я очень боюсь, как бы не получилось из Комарова работы старого типа[44].

Однако Шкловский хорошо понимал, что уход от обсуждения актуальных вопросов культурной политики в перспективе означал бы утрату необходимого административного влияния и, следовательно, возможности участия в организации новой литературы. Начавшаяся в конце 1920-х ревизия аналитического аппарата формалистов была связана отнюдь не только с необходимостью противопоставить свой теоретический арсенал марксизму, но и с желанием сохранить сильную позицию в дискуссии о параметрах новой *реалистической* культуры. Шкловский осознавал ужесточающиеся условия, однако метод этого действия по-прежнему оставался его прерогативой. Дискуссия эта была специфической по способу организации: втянутой в нее оказались как литературные критики и писатели, чьи тексты служили предметом обсуждений, так и теоретики искусства, ученые и философы, параллельно занимавшиеся рассмотрением смежных вопросов культурного производства. Иными словами, полемика устраивалась сразу на нескольких дисциплинарных уровнях, а реплики ее участников приобретали как бы множественную адресацию. В этой обстановке даже самая выхолощенная политическая инвектива получала теоретическое измерение и становилась весомым интеллектуальным жестом вне зависимости от изначального замысла ее автора. С этим Шкловскому приходилось считаться. Именно поэтому цикл его социологических работ конца 1920-х — начала 1930-х годов хотя и сохраняет риторическое преемство с проблематикой более ранних работ, содержательно выводит разговор за пределы формальной поэтики, наделяя понятие стиля[45] вполне определенными контекстуальными особенностями.

---

44 Там же. С. 133.

45 Во второй половине 1920-х проблема стиля, о которой Шкловский пишет еще с начала десятилетия (ср. хотя бы в его кн.: Розанов: Из книги «Сюжет как явление стиля». [Пг.:] Издание «Опояз», 1921), социологизировалась, став предметом специального обсуждения; см. в этой связи, например: *Храпченко М.Б.* 1) К проблеме стиля // На литературном посту. 1927. № 19. С. 22–29; 2) О смене стилей // На литературном посту. 1927. № 24. С. 18–27; 3) О некоторых итогах и перспективах в разработке проблемы стиля: По поводу книги П.Н. Сакулина «Теория литературных стилей» // На литературном посту. 1928. № 11–12. С. 53–62; *Берковский Н.Я.* Стилевые проблемы пролетарской прозы // На литературном посту. 1927. № 22–23. С. 53–60; № 24. С. 11–17; *Полонский Вяч.* Марксизм и критика: Из литературных

Реализация проекта «советской многонациональной литературы», оформлявшегося с середины 1920-х, требовала не столько подготовки писательских кадров, сколько создания особой *писательской культуры*. Таким образом, оба измерения литературной жизни — институциональное и персональное — накладывались друг на друга, образуя объемную разветвленную сеть разнонаправленных контактов и связей. Это обстоятельство, с одной стороны, определило характер культурной политики начала 1930-х годов, основное направление которой было связано с переустройством «литературного быта», а с другой — подвигло творческое сообщество к более пристальному изучению (с целью последующего присвоения) доставшегося ему литературного наследства. Примечательна в этом смысле сугубо институциональная деталь эпохи: литературно-бытовая серия, выходившая с 1927 года в издательстве *Academia*, на протяжении шести лет своего существования несколько раз сменила название. Начав с заголовка «Памятники литературного быта», который, очевидно, брал идею Эйхенбаума за основу, уже на втором году существования серия включила в название более традиционную историко-литературную формулу, которая в некоторой степени нейтрализовывала формалистский термин, — книги стали выходить под грифом «Литературный быт и творчество русских писателей» или еще более академическим «Литературный быт и творчество русских писателей по воспоминаниям, дневникам и письмам». После разгрома Института истории искусств и практически официального запрета формального метода серия сместила акцент на социологическую материю, поместив быт в пространство идеологии: в 1931 году вышла первая из книг, составивших ряд «Памятников литературного и общественного быта» (параллельные серии «Памятники театрального быта» и «Памятники художественного быта» также включили в название многозначительную характеристику «общественного»). В 1933 году «Памятники общественного быта» стали отдельной серией, уже прямо заменившей эйхенбаумовскую формулу устойчивой идеологемой, и тогда же лаконичное и эффектное изначальное название окончательно расплылось в рыхлом бюрократизме: последние три книги серии вышли под грифом «Русские мемуары. Воспоминания, дневники, письма и материалы по истории литературы, обществ<енной> мысли и быта». В такой обстановке попытки Шкловского сконструировать культурную традицию, прихотливо подверстывающуюся под советский культурный проект, не могли не вызывать опасения у пролеткритиков и марксистски ориентированных ученых, потому как претендовали на роль не идеологической надстройки, но материального базиса.

Иными словами, Шкловский посягал на роль создателя альтернативной концепции истории русской литературы, опиравшейся именно на бытовое постижение жизни и культуры как ее бытового же проявления.

споров последних лет. М.; Л.: Госиздат, 1927; *Камегулов А.Д.* Понятие стиля в марксистском литературоведении (тезисные наброски) // На литературном посту. 1929. № 17. С. 6–11; *Нусинов И.М.* Вопросы стиля в пролетарской литературе // Литература и искусство. 1930. № 3–4. С. 89–103; Виноградов И.А. Борьба за стиль // Борьба за стиль: Сб. статей. Л.: Гослитиздат, 1934. С. 5–49.

Библиография / References

Зенкин С.Н. Открытие «быта» русскими формалистами // Зенкин С.Н. Работы о теории. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 305–324.

(*Zenkin S.N.* Otkrytie «byta» russkimi formalistami // Zenkin S.N. Raboty o teorii. Moscow, 2012. P. 305–324.)

Митрошенков К. Побег из тюрьмы языка: Фредрик Джеймисон, поздний формализм и историзация материала // Новое литературное обозрение (в печати).

(*Mitroshenkov K.* Pobeg iz tyur'my yazyka: Fredric Jameson, pozdniy formalizm i istorizatsiya materiala // Novoye literaturnoye obozreniye (forthcoming).)

Отяковский В.С. Микроистория сообщества формалистов: Кабинет современной литературы при ГИИИ (1927–1930). Тарту: University of Tartu Press, 2024.

(*Otiakovskii V.S.* Mikroistoriya soobshchestva formalistov: Kabinet sovremennoy literatury pri GIII (1927–1930). Tartu, 2024.)

Пильщиков И.А., Устинов А.Б. Поверхностное напряжение: История культуры и концепция «литературного быта» Б.М. Эйхенбаума // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 9–22.

(*Pil'shchikov I.A., Ustinov A.B.* Poverkhnostnoe napryazhenie: Istoriya kul'tury i kontseptsiya «literaturnogo byta» B. M. Eykhenbauma // Rema. Rhema. 2020. № 4. P. 9–22.)

Устинов Д.В. Научные концепции Г.А. Гуковского в контексте русской истории и культуры XX века // Новое литературное обозрение. 1998. № 1 (29). С. 71–83.

(*Ustinov D.V.* Nauchnye kontseptsii G.A. Gukovskogo v kontekste russkoy istorii i kul'tury XX veka // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 1 (29). P. 71–83.)

Турчаненко В.В., Цыганов Д.М. Пушкин наш, советский! Очерки по истории пушкиноведения сталинской эпохи (Идеи. Проекты. Персоны). М.: Новое литературное обозрение, 2025.

(*Turchanenko V.V., Tsyganov D.M.* Pushkin nash, sovetskiy! Ocherki po istorii pushkinovedeniya stalinskoy epokhi (Idei. Proekty. Persony). Moscow, 2025.)

Цыганов Д.М. «История литературы — подозрительная наука!»: Виктор Шкловский, post-ОПОЯЗ и формалистский проект истории русской литературы в конце 1920-х — начале 1930-х годов // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2027 (в печати).

(*Tsyganov D.M.* «Istoriya literatury — podozritel'naya nauka!»: Viktor Shklovskiy, post-OPOJAZ i formalistskiy proyekt istorii russkoy literatury v kontse 1920-kh — nachale 1930-kh godov // Filologicheskiye nauki: Nauchnyye doklady vysshey shkoly. 2027 (forthcoming).)

Чудакова М.О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986. С. 103–131.

(*Chudakova M.O.* Sotsial'naya praktika, filologicheskaya refleksiya i literatura v nauchnoy biografii Eykhenbauma i Tynyanova // Tynyanovskiy sbornik: Vtorye Tynyanovskie chteniya. Riga, 1986. P. 103–131.)

Hansen-Löve A.A. «Бытология» между фактами и функциями // Revue des Études Slaves. 1985. Vol. 57. № 1. С. 91–103.

(*Hansen-Löve A.A.* «Bytologiya» mezhdu faktami i funktsiyami // Revue des Études Slaves. 1985. Vol. 57. № 1. P. 91–103.)